

© 2002 г., ЭО, № 4

«ВСЕМИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПРОТИВ РАСИЗМА, РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ, КСЕНОФОБИИ И СВЯЗАННОЙ С НИМИ НЕТЕРПИМОСТИ» (заседание Ученого совета Института этнологии и антропологии РАН 18 сентября 2001 г.)

В.А. Тишков. В числе вопросов повестки сегодняшнего заседания Ученого совета – информация о Всемирной конференции по борьбе против расизма, дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости, которая состоялась под эгидой ООН в Дурбане (ЮАР) в конце августа – начале сентября 2001 г. Это событие произвело огромный общественный резонанс, но оно имеет большое значение и для ученых, занимающихся проблемами, связанными с этнополитическими и расовыми конфликтами, формированием современной этнополитической ситуации в мире. На конференции присутствовали и сотрудники нашего института – С.А. Арутюнов и А.Г. Осипов. Думаю, их сообщения будут представлять для нас немалый интерес. Предоставляю слово Александру Геннадьевичу Осипову.

А.Г. Осипов. На самом деле в Дурбане прошла не одна конференция, а две. Сначала (28 августа – 1 сентября) был Форум неправительственных организаций (НПО), а затем (31 августа – 8 сентября) сама официальная конференция. Полное название – «Всемирная конференция против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» (World Conference against Racism, Racial Discrimination, Xenophobia and Related Intolerance). Английская аббревиатура – WCAR. Далее я буду для краткости пользоваться понятием «ВКАР» и обозначать им и Форум НПО, и собственно официальную конференцию. Когда мы готовились к конференции и на ней работали, у нас сложился свой жаргон, в частности, Форум НПО мы называли «детской» ВКАР, а официальную конференцию – «взрослой» ВКАР. Я по привычке так и буду их называть.

Международная конференция, в частности всемирная конференция – одна из разновидностей международных органов и, кстати, исторически самая старая. В отличие от международной организации конференция представляет собой временный орган. Обычно международные конференции принимают рекомендательные, т. е. не имеющие обязывающей силы решения. Бывают случаи, когда конференции принимают тексты международных договоров, но они вступают в силу после подписания и ратификации. Часто итоговые документы конференций содержат политические обязательства стран-участниц. Примером могут служить Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и их резолюции. Такого рода акты не являются международными договорами, но имеют обязывающую силу, хотя и не юридического, а политического характера.

На «взрослой» ВКАР предполагалось принимать документы исключительно рекомендательного характера. Очевидно, что резолюции «детской» ВКАР тоже могли быть только рекомендательными.

Идея провести всемирную конференцию против расизма исходила из ООН, которая уже провела две таких конференции в 1978 и 1983 гг. в Женеве и две декады против расизма, а сейчас, кстати, проходит третья декада.

Всемирные конференции последних десятилетий, хоть они и проходят под эгидой и на деньги ООН, считаются независимыми, а не чисто ООНовскими мероприятиями. Первые две конференции против расизма в основном сосредотачивались на проблемах апартеида на юге Африки. Хотя по их итогам были приняты резолюции, считается, что эти мероприятия закончились неудачно и что разногласия между участниками были так сильны, что консенсуса достичь не удалось.

В последнее десятилетие прошли несколько всемирных конференций по гуманитарным вопросам: 1992 г. – в Рио-де-Жанейро по защите окружающей среды и устойчивому развитию, в 1993 г. – в Вене по правам человека, в 1995 г. – в Пекине по проблемам женщин и т.д.

В 1997 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о необходимости проведения также и всемирной конференции против расизма. Это было логично. Изменилась глобальная повестка дня. Прекратил существование режим апартеида в ЮАР, борьба с которым и была главным мотивом двух антирасистских конференций. Напротив, появились новые проблемы. Накопилось немало специальных юридических воп-

росов, связанных с определением расизма и дискриминации и со стратегиями развития национальных законодательств. Казалось естественным и своевременным все это обсудить.

В соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи организационные функции были переданы офису Верховного Комиссара ООН по правам человека. Сама Верховный Комиссар М. Робинсон получила мандат генерального секретаря конференции. Решать стратегические и идеологические вопросы была уполномочена Комиссия ООН по правам человека, выступавшая в качестве Подготовительного Комитета (ПрепКома), который собирался три раза – в мае 2000 г., в мае и в июле–августе 2001 г.

Последние десять лет ООН и многие другие международные организации считают, что привлечение к работе неправительственных организаций – способ повысить эффективность этой работы и уровень легитимности международных институтов. Множество неправительственных организаций участвовали в работе всемирных конференций, в том числе Венской по правам человека. Естественно, их приглашали и на многие подготовительные мероприятия.

Были проведены четыре региональные конференции, каждая из которых, как и сама всемирная конференция, состояла из двух частей: конференции неправительственных организаций и официальной, т. е. правительственной. В октябре 2000 г. прошла европейская конференция в Страсбурге, а позднее состоялись американская, азиатско-тихоокеанская и африканская конференции. Их резолюции содержали предложения, касающиеся содержания Декларации и Программы Действий – основных документов взрослой ВКАР, а также организации ее работы. Региональные резолюции можно найти на сайте Верховного Комиссара ООН по правам человека (см.: <http://www.unhchr.ch>). Очень скоро выяснилось, что среди участников подготовительного процесса есть серьезные разногласия относительно повестки дня и задач конференции.

В основе своей в значительной степени эти разногласия были вызваны разными подходами к пониманию расизма и дискриминации. В международных документах нет определения расизма. Точнее, есть попытка дать такое определение в Декларации ЮНЕСКО «О расе и расовых предрасудках» 1978 г. Его трудно признать удачным. Можно назвать его полуказуистическим, поскольку оно перечисляет вместе с квалифицирующими признаками и конкретные проявления. Хотя в социологической литературе выработаны весьма удачные определения, на практике расизм понимается очень и очень по-разному. В отдельных же странах и в их законодательствах есть очень разные подходы к тому, что понимать под дискриминацией. Если говорить упрощенно – есть два основных толкования.

Может быть легалистский, чисто правовой подход, при котором под дискриминацией понимается определенное, говоря юридическим языком, деяние, осознанное действие или бездействие, которое можно выявлять и квалифицировать, которое можно пресекать, за которое можно устанавливать ответственность или обязательство по возмещению вреда. Какого рода это деяние? В широком смысле – произвольное и необоснованное проведение различий по определенному признаку, имеющее следствием или целью наступление неблагоприятных последствий для одной из сторон, между которыми проводится различие.

Возможен и совершенно иной подход, при котором под дискриминацией понимается вообще социальное неравенство, неравенство между расовыми, этническими и т.д. группами, вне зависимости от того, какие процессы к этому привели и стоят ли за этими процессами чья-то воля и чье-то сознание. Аргументация для такого широкого понимания дискриминации используется очень разнообразная. К такому пониманию склоняются левые (в широком смысле), и оно получило широкое распространение в мире в первую очередь благодаря усилиям левых либералов радикального толка из США и других западных стран. Для пропаганды этих взглядов очень полезной оказались изначально академические концепции институционального расизма и институциональной дискриминации.

Главное в описываемой ситуации то, что очень сильны были позиции тех, кто предлагали понимать расизм и дискриминацию именно как этническое или расовое измерение социального неравенства. Это первое. Второе – то, что для многих, и в первую очередь для организаций, представляющих афроамериканцев США и африканские страны, борьба с расизмом означает преодоление последствий колониализма и работорговли. На их взгляд, конференция должна была не просто обьявить колониализм и рабство преступлением против человечества, но и назначить компенсации и репарации за то, что в первую очередь западные страны делали в Африке и Америке на протяжении предыдущих столетий.

Конечно, такая постановка проблемы, мягко говоря, не могла не встретить возражений, и об этом в основном велись дебаты на части региональных конференций, на ПрепКоме и на всех неформальных встречах. Похожие дискуссии шли и среди представителей НПО. Отчасти их можно проследить по сайту Internet Centre Anti Racism in Europe (ICARE) (см.: <http://www.icare.to>). На основную линию (понимание дискриминации как структурного неравенства и требования компенсаций за прошлое) накладывались другие сюжеты, которые привлекали подчас больше внимания, чем базовые дискуссионные вопросы.

ВКАР стала для самых разных стран и разных людей поводом заявить о своих проблемах, нередко далеких от расизма и дискриминации. Например, для многих исламских организаций и государств конференция была площадкой для проведения демонстрации против Израиля и израильской политики в Палестине. Многими неправительственными организациями ВКАР воспринималась как повод поговорить о проблемах женщин, инвалидов и сексуальных меньшинств. Для цыганских организаций ВКАР дала еще одну воз-

возможность потребовать, чтобы рома/цыганам был предоставлен статус нетерриториальной нации с представительством в ООН.

Теперь отдельно о «детской» и «взрослой» ВКАР. Я лично участвовал в подготовке «детской» ВКАР как член Координационного комитета Форума НПО, а точнее его европейской группы. Руководить «детской» конференцией должна была довольно сложная структура из разных временных органов. Прежде всего для решения основных стратегических и идеологических вопросов НПО по четырем макрорегионам должны были избрать глобальный Координационный комитет (Coordinative Committee) из 63 чел. Для решения более конкретных оперативных вопросов (детали повестки дня, отношения с руководством «взрослой» ВКАР и пр.) планировалось создать более компактный и мобильный Международный руководящий комитет (International Steering Committee, МРК). Все организационные и технические проблемы, возникающие в связи с Форумом НПО непосредственно в Южной Африке – вопросы размещения, питания, поиски мест для проведения мероприятий – должна была решать так называемая Коалиция южноафриканских неправительственных организаций (South African NGO Coalition, САНГОКО). Проекты документов в свою очередь должна была готовить редакционная комиссия (Drafting Committee).

Координационный комитет в полном составе собран не был, потому что некоторые регионы не провели голосования, и были созданы только две региональные группы. Кстати, в европейскую группу были избраны две российские НПО – Правозащитный Центр «Мемориал» и Антифашистское Молодежное Действие. С большими трудностями и спорами на основе квотного представительства от макрорегионов, аборигенов, молодежных организаций и САНГОКО создали Международный руководящий комитет (МРК). Он ни разу не собирался и, по-моему, впервые МРК начал совместно что-то решать только в конце июля – начале августа. Редакционный комитет тоже не был собран, и реально все рычаги управления оказались в руках САНГОКО и представителей нескольких особо активных международных НПО. САНГОКО в мае подготовил проект Декларации и Программы действий Форума НПО. Эти тексты были написаны очень неряшливо, крикливым, левацким, и я бы сказал, националистическим языком. Они основывались на трех основных идеях.

1) Идея классовой борьбы, т.е. самое широкое понимание расизма и дискриминации, доведенное до представления о том, что мир состоит из угнетателей и угнетенных. Неравенство между ними и есть собственно расизм, и необходимо принимать жесткие и радикальные меры, чтобы это положение исправить.

2) Идея борьбы с «покойником», как я ее называю, – идея разбирательства с прошлым, в частности, преодоления последствий колониализма и работорговли, вплоть до выплаты компенсации конкретным потомкам рабов и государствам, которые возникли на месте колониальных владений и на тех территориях, где велась работорговля.

3) Идея групповых прав в самом крайнем понимании, в том смысле, что народы или этнические группы сами по себе выступают как субъекты права.

Эти три идеи материализовались во множестве идеологических клише, оценок, лозунгов, претензий, политических требований. В первую очередь надо назвать, конечно, лозунг компенсаций и репараций за рабство и колониализм. В проекте также было очень много антиизраильских и антисюионистских выпадов, требований, касающихся цыган, аборигенов и женщин, положений, осуждающих глобализацию, и т.п. Для российских НПО текст был совершенно неприемлем и по форме, и по содержанию. Позднее САНГОКО вместе с несколькими избранными членами так и не сформированного Редакционного комитета его немного причесали, и этот обновленный проект был все-таки вынесен на МРК, и последний с ним немного поработал. Проект стал лучше по стилю и структуре, но не по содержанию.

Когда весной 2001 г. в Интернете развернулась дискуссия, в том числе посредством листа рассылки ICARE, стало понятным, что эти идеи встречают очень сильную поддержку на официальном и на неофициальном уровне. Все, что в конце концов произошло в Дурбане, ожидалось и было легко предсказуемым. И поэтому российские организации, участвуя во всех подготовительных мероприятиях, в том числе в Страсбургской региональной конференции, особых иллюзий не питали и особого энтузиазма не демонстрировали.

В самом Дурбане к идеологически неприемлемым для нас проектам итоговых документов добавились неприемлемые организационные решения МРК. Процедура обсуждения и принятия Декларации и Программы действий изначально была построена как очень недемократичная и непрозрачная. С первого дня люди были поставлены перед фактом, что они не будут обсуждать основные документы в целом, а только поправки и дополнения к ним. Организаторы говорили примерно следующее: мы не собираемся принимать консенсусный документ, который всех бы устроил, потому что он будет пустым и никому не нужным. Мы хотим сложить все голоса, все мнения, все замечания, и пусть «взрослая» конференция вместе с мировым сообществом услышит эти голоса, в первую очередь голоса жертв. Таким образом, работал принцип «мусорной корзины», и весь, говоря простым языком, бред, который несли тысячи делегатов, безо всяких препятствий попадал в эту корзину, т.е. в Декларацию и Программу Действий.

Голосования за итоговые документы в целом не было и не предполагалось, а за поправки и дополнения голосовала не конференция, а рабочие тематические группы, которые спонтанно возникали во время конференции и постоянного состава не имели. Несогласные с такими порядками были вынуждены выступить с

резким заявлением о непризнании тех документов, которые МРК выдавал за итоговые резолюции, принятые Форумом НПО. Инициатива этого протеста исходила от российской организации, а в Дурбане были представители более чем 20 российских НПО, всего более 30 чел. К заявлению присоединились почти все восточноевропейские организации и ряд западных – более 80 НПО из 37 стран.

В заявлении говорилось о том, что Декларация и Программа Действий, якобы принятые Форумом НПО, не могут быть признаны по двум причинам: они не были приняты демократическим путем и потому нелегитимны, и они, в особенности разделы, относящиеся к Палестине, глобализации и репарациям, изложены неприемлемо агрессивным и нетерпимым языком.

Протестующие в основном сходились на неприятии резкой антиизраильской и антиссионистской риторики документов Форума и процедур их принятия. Вопрос о том, для всех ли организаций, подписавших протест, была неприемлема сама идеологическая основа этих текстов, следует считать открытым. Боюсь, если бы мы стали между собой разбираться, кто против чего конкретно выступает, то обнаружили бы тоже очень сильные расхождения и разногласия. Возможно, многие из западных НПО, как и мы, нашли бы немало возражений против классового борьбы, идей групповых прав, против права на самоопределение, против разбирательства с прошлым и т.д., многие, возможно, с этими идеями согласились бы.

Понять это пока невозможно, поскольку общее внимание – и прессы, и участников – было сосредоточено на скандальных моментах. А их было очень много. В Дурбан съехались самые разные люди, зачастую представляющие радикальные или экстравагантные организации. Они постоянно выступали со своими заявлениями и проводили разные пикеты, митинги и демонстрации. Доходило до того, что на конференции продавали, например, «Протоколы сионских мудрецов» на английском, кажется, языке (сам я эти книжки не видел). Повсюду висели всевозможные разоблачительные листовки и плакаты, в том числе в изобилии – антисемитские.

Скандальный характер конференции позволил М. Робинсон несколько раз заявить во время работы, что документы, предложенные от имени Форума НПО, неприемлемы по содержанию и противоречат самому духу ООНовских конференций и задачам ВКАР, а потому она отказывается принять их для передачи ВКАР и выступает против их включения в общий пакет документов Всемирной Конференции.

Теперь о «взрослой» конференции. Обсуждение проектов ее Декларации и Программы Действий и до Дурбана, и в Дурбане в идеологическом смысле было похоже на Форум НПО. Разумеется, дискуссии велись более аккуратно, в основном на дипломатическом языке. Огромные усилия были приложены к тому, чтобы вложить в проекты документов те же самые идеи – групповых прав, пересмотра итогов «неправильной» истории, поддержки национально-освободительных движений и компенсаций за колониализм и рабство, осуждения Израиля вместе с сионизмом. Разногласия между странами «третьего мира» и Западом были настолько остры, что согласовать проекты документов до Дурбана так и не удалось. В Дурбане до самого последнего момента не было уверенности, что итоговые документы вообще будут приняты.

«Взрослая» конференция проходила внешне более спокойно, чем Форум НПО, хотя в ней и участвовало, по данным Секретариата, более 17 тыс. чел. Основная работа велась в двух редакторских группах: одна занималась Декларацией, другая – Программой Действий. На взрослой конференции были аккредитованы шесть российских НПО (основные из прибывших в Дурбан); все участники нашей делегации имели допуск в конгресс-центр – зал, где проходила конференция. Представитель российской делегации НПО Юрий Джибладзе получил возможность выступить на пленарном заседании.

Естественно, самые серьезные разногласия при подготовке ВКАР и во время ее проведения были связаны с двумя темами – с оценкой политики Израиля и идеологии сионизма в целом и с вопросом о компенсации жертвам колониализма и работорговли. В основном колья ломались из-за Израиля и сионизма. В местной прессе и в других средствах массовой информации писали, что не только арабские и мусульманские страны заинтересованы в том, чтобы выдвигать на первый план тему Израиля и палестинцев. Высказывалось предположение, что в этом заинтересованы и США, которым выгодно, чтобы конференция была возможно более скандальной и чтобы был повод избежать дискуссий на менее приятные темы, связанные с колониализмом и работорговлей. Возможно, в этих предположениях есть доля истины.

Практически до последнего дня, т.е. до 7 сентября, переговоры между сторонами по основным указанным выше вопросам не приводили к существенным позитивным сдвигам. В последние дни появились сообщения о том, что какие-то позиции удалось согласовать. В день закрытия, 7 сентября, говорили, что достигнут существенный прогресс, но о заключительных документах не было никаких сведений. Уже после церемонии закрытия, которая была скромная, было объявлено, что согласованы основные принципы и что текст будет доработан редакционными группами позднее. До сих пор на сайте М. Робинсон нет окончательных текстов, но там написано, что они вскоре появятся¹.

Какие выводы можно из всего этого сделать? В Дурбане прошла грандиозная манифестация педовольных мировым порядком, людей, которые считают себя угнетенными и считают себя жертвами угнетения. Эти люди поняли, что называть все то, что им не нравится, дискриминацией и расизмом – это очень удобная позиция. Оказалось, что традиционные левые лозунги «социальной справедливости» и «борьбы с империализмом» в настоящее время легко замещаются антирасистскими и «национально-освободи-

тельными», а социальная, или классовая риторика – очень на нее похожей этнической и расовой. В основном недовольные и обиженные представляли страны третьего мира. Они были явно в большинстве и на правительственной конференции, и на неправительственной. Результат обеих конференций можно расценить, если использовать выражение Александра Верховского, как триумф левонационалистической антизападной коалиции². Печально не это – это в общем-то предсказывалось, а печально то, что никто с позицией большинства по разным причинам всерьез не спорил и даже не пытался оппонировать. И наша (я имею в виду тех людей из России, которые в этом участвовали) дальнейшая роль не очень понятна, неясно, с кем в дальнейшем можно говорить и что делать. Те проблемы, которые на конференции не обсуждались, и те, которые обсуждались, существуют реально. То, что мы увидели в Дурбане, не вызывает восторга, но это не значит, что противодействие расизму и дискриминации лишено смысла.

В.А. Тишков. Спасибо. Теперь слово предоставляется Сергею Александровичу Арутюнову.

С.А. Арутюнов. Александр Геннадьевич дал четкое деловое описание структуры и характера работы конференции, и это облегчает мою задачу. Я ограничусь, может быть, более частными впечатлениями. Но эти частные впечатления я хочу предварить несколькими общими словами. С Валерием Александровичем Тишковым мне часто приходится спорить по теоретическим вопросам, в частности по вопросу о том, являются ли этносы, а также конфессии и расы конструктами или объективными реальностями. Я должен сказать, что, хотя с моей точки зрения, это прежде всего объективные реальности, но это объективные реальности, отталкиваясь от которых, действительно выстраиваются конструкты. И в данном случае мы видим, что как раз если речь заходила об этносах, народах, или если речь заходила о расах (в какой-то степени о конфессиях, безусловно, тоже говорилось, говорилось и о других общностях), то речь шла именно об искусственных, политически созданных политиками и политически ангажированной интеллигенцией или полунинтеллигенцией, деятелями разного рода, конструкциях, конструктах, которые должны были быть и были использованы в политической борьбе.

И второе. Между конгрессом и терактами в Нью-Йорке и Вашингтоне, наверное, нет прямой связи, но косвенная тем не менее есть, и достаточно значительная. Настолько тесная, что ее можно, пожалуй, уподобить и прямой. То и другое – звенья одной цепи, звенья одного процесса, который я определил бы как войну «черного» и «белого» миров. «Черное» и «белое» – это условные понятия, палестинцы не темнее меня, но они в общем на 99 % принадлежат к черному миру, а, скажем, Колин Пауэлл и Кандолиза Райс – люди с очень темным цветом кожи, но они, несомненно, принадлежат к белому миру. Можно называть эти миры богатым и бедным, можно называть северным и южным – любое определение будет условным, но я предпочитаю называть их белым и черным, потому что это именно так символически окрашены и так расово привязаны мыслительные конструкты, которые не имеют ничего общего с реальной расовой принадлежностью, но тем не менее отражают противостояние двух достаточно аморфных, не обязательно четко организованных и структурированных, но тем не менее в общем и целом антагонистически противостоящих друг другу миров.

И это противостояние отчетливо было видно на этой конференции, на WCARE. В общем во всем резко чувствовалась враждебность представителей третьего, или черного мира к представителям мира белого. Я уж не знаю – как назвать его, первым, вторым, полуторным, это опять-таки условные наименования, но в общем всем понятно, что за этим стоит. И в этом отношении это, конечно, был не конгресс против расизма, это был конгресс, который в какой-то степени стал апофеозом черного расизма, нового расизма, с проявлениями которого нам сейчас предстоит все чаще и чаще сталкиваться.

Одним из центральных моментов, конечно, было стремление политиков черного мира нажать себе не только политический, но и финансовый капитал, выступая с разнообразными требованиями репараций, о которых говорил Александр Геннадьевич Осипов.

Конгресс был огромным мероприятием. Считалось, что там 10 тыс. участников, однако по оценке прессы в последние дни конгресса называлась цифра 18 тыс. Надо сказать, что хотя местные власти и организаторы приложили немало стараний к тому, чтобы это все как-то организовать, но тем не менее организация такой огромной машины в принципе не может быть налажена. Правда, там четко работал транспорт, и другие вещи работали, но не было информационной службы, не было роздано никаких папок, никаких программ, и все это приходилось узнавать на ходу. Мне, например, очень хотелось встретиться с членами армянской делегации, но я просто не мог разыскать их в этом огромном человеческом море. О том, чтобы там выступить с чем-то, не могло быть и речи, поэтому свое выступление я разместил на сайте до начала конгресса. Я представлял там Центр межэтнического сотрудничества, который возглавляется Ашотом Айрапетяном, он аккредитован при ООН и от него я там значился официально, как участник этого мероприятия, и вот на сайте конгресса я разместил свои предложения. Они касались, в частности, вопроса этих самых пресловутых репараций.

В значительной степени подталкиваемые арабскими и вообще ближневосточными экстремистскими организациями, а также американскими негритянскими организациями, сугубо экстремистскими, часть которых является тоже псевдомусульманскими (как псевдомусульманином является и Бен Ладен, и все это движение), черные страны выступили с требованием репараций. Надо сказать, что сами африканские

политики, пожалуй, были бы более умеренными и действительно старались быть более умеренными в своих требованиях, но вот как раз эти экстремистские организации, сами не будучи африканскими, их к этому экстремизму подталкивали. И американские экстремисты (в частности, прибывший на конгресс Джесси Джексон, очень известный американский негритянский экстремист) как раз и выступали с наиболее радикальными, самыми крайними заявлениями и требованиями, причем с самой воинственной риторикой. На сайте, на который пришел пока что один отклик, враждебный, конечно, отклик какого-то мусульманско-негритянского профессора, проживающего в США (не знаю, много ли людей читают этот сайт), я говорил, что если уж ставить вопрос о репарациях, скажем, африканским странам за пять веков работорговли, то этот счет африканские страны должны предъявлять не только европейским странам.

Если западноафриканские страны предъявляют их европейским странам, то восточноафриканские должны предъявлять их арабским странам. Между прочим, независимо от меня в той прессе, которая сопровождала конгресс, прозвучала мысль, что эта идея, сформулированная арабами Ближнего Востока, может ударить по ним бумерангом, потому что если за трансатлантическую работорговлю ответственны в основном страны Европы и Америки, то за трансиндийскоокеанскую работорговлю, которая была не менее интенсивна, ответственны именно арабские страны – причем, практически все арабские страны Азии.

Кроме того, я поставил на этом сайте вопрос о том, что в конце концов в эти же века и несколько ранее вывозилось большое количество рабов-славян (в арабских источниках они известны как *сакалиба*) с территорий южнославянских стран, поэтому на такие же репарации со стороны арабских средиземноморских и вообще мусульманских стран может претендовать и Россия, и Украина, а затем, по отношению к Турции, скажем, Грузия (из Западной Грузии огромное количество невольников вывозилось в Османскую империю) и многие регионы Северного Кавказа. Из стран дальнего зарубежья к Турции и Ирану могут быть предъявлены такие же требования и грузинами, и армянами, и адыгами, и осетинами, и многими другими. Это, так сказать, один вариант из множества мелких претензий, не получивших большой огласки, но тем не менее попавших и на страницы прессы, и на страницы Интернета, и в само бытие этого конгресса.

Я старался по возможности посещать секционные заседания разных групп, посвященных разной тематике. В общем-то там по существу не было диалога и не звучало каких-то трезвых голосов. Практически там не было голоса разума. Преобладали эмоции. Почти все выступления, которые я слышал, можно было бы сформулировать в нескольких фразах: «Мы гневно клеймим», «Мы категорически требуем» и «Иные мы как никогда...». В это можно было бы уложить все выступления, которые там звучали. В этом отношении там было просто скучно.

Более интересно было вне залов заседаний, потому что действительно на этот конгресс со своими презентациями прибыли очень многие группы. Я перечислю часть из них. В документе, о котором говорил Александр Геннадьевич, есть и некоторые позитивные моменты. Скажем, в нем высказан протест против силовых действий российского федерального правительства в Чечне, против дискриминации месхетских турок в Краснодарском крае и вообще в Российской Федерации, против репрессивных действий китайского правительства в отношении меньшинств, в частности, угнетения тибетского населения как этноцидного действия. В документ включен также особый пункт о дискриминации цыганского населения в странах Восточной Европы.

В Дурбан приехала большая цыганская делегация (кажется, более 200 чел.). Конечно, цыганская проблема в России стоит не столь остро, как в Венгрии, Чехии, Словакии и других восточноевропейских странах. И доминировали, конечно, в этой общей цыганской делегации представители из этих стран, они-то и устраивали большие массовые демонстрации, очень яркие, красочные, костюмированные, с яркими плакатами с пением, с танцами, с выкриками «Rights for Roma», «Roma nation». Особенно популярна была именно идея цыганской нации, ее международного признания, и местной прессой отмечались логическая несостоятельность и противоречивость этих требований, вошедших в проектный документ. Не знаю, что в конце концов появится на сайтах, но пресса отмечала эту противоречивость: с одной стороны, требования территориального самоуправления цыганских поселений, предоставления прав цыганам на определенной территории, скажем, в рамках Словакии, в рамках Чехии, на территории определенных государств. С другой стороны, там же содержались требования конституирования экстерриториальной цыганской нации и признания ее в качестве одной из наций мира, вплоть до признания на уровне ООН – вещи несовместимые одна с другой, как вы сами понимаете.

Следует сказать, что многие приехали на конгресс в надежде быть услышанными. И услышаны почти не были. Очевидно, что основная масса организаторов и участников конгресса (я имею в виду не М. Робинсон и подобных ей чиновников ООН, а политиков африканских и вообще черных политиков) хотели свести расизм исключительно к проблеме угнетения черных белыми. Поэтому те, кто не вписывался в эту черно-белую картину, им явно мешали и они старались их оттереть и не допустить на авансцену.

Ну вот, одна такая «не черная» маленькая группа явилась, распространила свой документ протеста, где вместо подписей в основном стояли отпечатки пальцев. Это был написанный на бирманском языке документ (частично на английском, но в основном на бирманском, поскольку другим они не владели). Это была группа бирманских каренов, ведущих сейчас партизанскую борьбу против милитаристского бирманского прави-

тельства, угнетающего их, и в этом документе говорилось о тройном угнетении, которым подвергаются карены. Он был составлен (один из их документов) от имени каренских женщин, и распространялся так: люди стояли и раздавали листовки, это был основной метод работы. (Постоянно в этом огромном сборище, в Вавилоне, в столпотворении на каждом шагу стояли люди, которые раздавали листовки, декларации, какие-то требования и т.д. и т.п.)

Тройное угнетение, которому подвергаются эти каренские женщины, состояло в следующем: как штатские лица они подвергаются угнетению со стороны милитаристских кругов, потому что армия представляет собой в Бирме как бы господствующий класс, как национальное меньшинство они подвергаются национальному угнетению и как женщины они представляют собой сексуальное меньшинство и подвергаются сексуальной эксплуатации, домогательствам и изнасилованиям со стороны тех же самых бирманских военных. Вот это и была та тройная эксплуатация, против которой они протестовали. Эта маленькая группа бирманских каренов, которые устроили свой пикет, свою демонстрацию, включала всего человек двадцать, и кроме людей, знающих эту проблему, наверное, на них никто вообще внимания не обратил (в прессе, во всяком случае, не было ни слова).

На конгресс приехала довольно большая группа индийских неприкасаемых. Сейчас они уже отказались от имени *хариджан* (хариджан – значит «дети бога»), они говорят: «А что, другие люди – не дети бога? Почему только мы дети бога?» И называют себя «*далит*» – словом из языка маратхи, имеющим санскритские корни, означающим тех же самых неприкасаемых, но без уничижительного оттенка. Они распространяли свои декларации, документы, в частности, брошюру «Дели декларейшн» по правам неприкасаемых. Они устраивали пикеты, демонстрации и даже голодовку в последние два или три дня работы конгресса, которая все же нашла какое-то освещение в прессе.

Вот таким чрезвычайно острым зрелищем, зрелищем, апеллирующим к эмоциям, но отнюдь не к разумным подходам, и выглядел этот конгресс. Но, конечно, нужно упомянуть об огромной антиссионистской и антиизраильской (по существу антиеврейской, юдофобской) демонстрации, которая была проведена арабскими представителями, палестинскими и не только палестинскими. В общем, довольно большие деньги, даже не довольно, но чрезвычайно большие были брошены на всю эту пропаганду, и действительно организаторы раздали дурбанской бедноте (а бедноты там, черной бедноты, зулусской, хвагаст) цветные майки с лозунгами, двигались грузовики с динамиками и плакатами. Несли носилки с муляжами окровавленных трупов палестинских младенцев, а вслед за этим шла местная толпа, которая приплясывала, весело пела, трясла маракасами, была одета в майки с соответствующими лозунгами и несла соответствующие плакаты. В этой же толпе двигались трое каких-то опереточного вида раввинов, сугубых ортодоксов, кажется, из «Нетареи карто». Стражей Града, не признающих ни Израиля, ни идей сионизма, считающих, что восстановление еврейского государства может быть осуществлено только Мессией и никем иным, которые как бы солидаризировались с палестинцами в этих выступлениях.

За выступлениями А.Г. Осипова и С.А. Арутюнова последовали вопросы, касавшиеся частных вопросов.

Примечания

¹ Окончательный текст был согласован только в конце декабря 2001 г. – А.О.

² Александр Верховский. Форум НПО в Дурбане: идеология мешает бороться с расизмом // <http://www.polit.ru>, 6.09.01.

© 2002 г., ЭО, № 4

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛАВЯНСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ: ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

В конце 2001 г. в общественно-политической жизни республик Закавказья произошло значимое событие – 23–24 ноября в Ереване состоялась Международная конференция «Славянские общественные организации в Закавказье: история, проблемы и перспективы». Основная цель конференции – консолидация общественных организаций, объединяющих и представляющих интересы славян Закавказья – русских, украинцев, белорусов, поляков, чехов, болгар, и координация их деятельности.